

Любовь Эллиевна Заварзина родилась в Казахстане. Окончила филологический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова. Кандидат педагогических наук. Работала учителем русского языка и литературы, научным редактором журнала «Русский язык и литература в казахской школе», преподавателем высшей школы. В настоящее время — доцент кафедры общей педагогики Воронежского государственного педагогического университета. Автор более 300 публикаций историко-педагогической и филологической тематики. Лауреат премии «Имперская культура» им. Э. Володина, премии правительства Воронежской области. Живет в Воронеже.

Любовь Заварзина

ОТЕЦ РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ

(Житейский и профессиональный путь
Константина Дмитриевича Ушинского)

В юношеском дневнике Константин Дмитриевич Ушинский записал: «Сделать как можно более пользы моему отечеству — вот единственная цель моей жизни», — и в дальнейшем не отступил от этой данной самому себе установки. Трудясь на благо народного образования России, не думая о том, как будут оценены потомками его начинания, К.Д. Ушинский достиг многого. Он был теоретиком воспитания, дидактом, методистом, педагогом-психологом, школоведом, историком педагогики. Он указал педагогике новые направления развития, выдвинул идеи, разработкой которых занимается современная педагогическая наука. Его педагогические произведения поражают глубиной научной мысли, ее прозорливостью, ясностью изложения сложнейших проблем.

К.Д. Ушинский родился 19 февраля 1823 года в Туле в небогатой дворянской семье. Детство его прошло в небольшой городке Новгород-Северском Черниговской губернии, откуда несколько веков назад отправился в поход против половцев Игорь, князь Новгород-Северский, ставший героем «Слова о полку Игоря». Отец будущего педагога был участником Отечественной войны 1812 года, затем служил уездным судьей.

Мать Константина умерла, когда ему не было еще двенадцати лет, отец после смерти матери почти не бывал дома, так что жил он с младшим братом «в том хуторке, куда никто не заглядывал», — вспоминал Ушинский. Он очень ценил детские впечатления, которые были ему дороги не только потому, что были связаны с образом матери, но еще и «потому, что состояние детства глубже всего может изучить человек на самом себе и что заглянуть в душу ребенка можно, только живо припоминая свое собственное детство...».

Константин был настолько хорошо подготовлен матерью к поступлению в гимназию, что начал обучение сразу с третьего класса. Директором учебного заведения в ту пору был Илья Федорович Тимковский, бывший профессор Харьковского университета. Почтенный старец, как называл его Ушинский, самозабвенно служил науке, и это благоговейное уважение к просвещению, знаниям он сумел передать и учителям, и гимназистам.

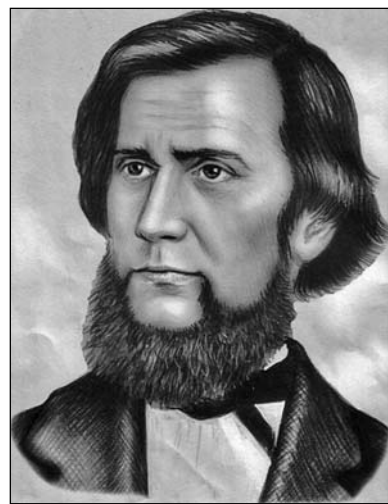
Новгород-северская гимназия находилась за городом среди прекрасной природы и, несмотря на свой непривлекательный внешний вид, отличалась духом демократизма и товарищества. К.Д. Ушинский не идеализировал свою школу, справедливо отмечая, что «было действительно много хорошего посреди немалого количества дурного». Уездная гимназия, вспоминал он, отличалась от учебных заведений больших городов, в которых за толстыми каменными стенами идет жизнь по колокольчику или барабану и в которых неизменно следит за порядком «толстый швейцар у дверей — этот неумолимый цербер детского ада, вокруг — камень и железо, железо и камень не только без малейшего обрывка зелени, но даже без куска земли, наверху кусок вечно закрытого неба, внутри — то гробовое молчание, то официальный гул, в котором исчезает всякая личность, повсюду сердитые аргусовские глаза купленного надзора; повсюду форма и чинность, вечная чистка и лакировка — все это веет какой-то безысходной тоской, какой-то мучительной бессмыслицей...».

Вспоминая школьные годы, К.Д. Ушинский отмечал «дух, живущий между товарищами», любовь к чтению (у отца была богатая библиотека), стремление к самообразованию. Но особенно ему запомнился ландшафт родной местности: преодолевая большое расстояние до гимназии, подросток получал удовольствие от ежедневного общения с природой. Впоследствии педагог писал: «А воля, а простор, природа, прекрасные окрестности городка, а эти душистые овраги и колышущиеся поля, а розовая весна и золотистая осень разве не были нашими воспитателями? Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога; что день, проведенный ребенком посреди рощи и полей, когда его головой овладевает какой-то упоительный туман, в теплой влаге которого раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать в себя мысли и зародыши мыслей, потоком льющиеся из природы, что такой день стоит многих недель, проведенных на учебной скамье».

В 1840 году Константин Ушинский стал студентом юридического факультета Московского университета, который, по словам В.Г. Белинского, «не знает себе соперников; у него есть история, потому что для него всегда существовало органическое развитие. В Московском университете есть дух жизни, и его движение, его ход к усовершенствованию так быстр, что каждый год он уходит вперед на видимое расстояние».

В 40-е годы заметно оживилась общественная жизнь страны, шло постепенное освобождение от более чем десятилетней «депрессии», вызванной крахом восстания декабристов. Усилился интерес к социальным проблемам, среди оппозиционно настроенной дворянской интеллигенции все большую роль начала играть ее разночинная прослойка.

Профессорско-преподавательский состав Московского университета обновился за счет молодых профессоров, недавно возвратившихся из-за границы (преимущественно из Германии) с большим запасом знаний, в том числе философских. Они, писал в «Былом и думах» А.И. Герцен, «сильно двинули вперед Московский университет, история их не забудет. Люди добросовестной учености, ученики Гегеля, Ганса, Риттера и др., они слушали их именно в то время, когда остов диалектики стал обрастать мясом, когда наука перестала считать себя противуположною жизни... Наши профессора привезли с собою <...> заветные мечты, горячую веру в науку и людей; они сохранили весь пыл юности, и кафедры для них были святыми наляями, с которых они были призваны благовестить истину; они являлись в аудиторию не цеховыми учеными, а миссионерами человеческой религии».

Константин Дмитриевич Ушинский

Будущие юристы слушали всеобщую историю у Д.Л. Крюкова и Т.Н. Грановского, римское право у Н.И. Крылова, политическую экономию и статистику у А.И. Чивилева. Преподавание их было на уровне европейской науки и побуждало к самостоятельным размышлениям и труду. Это безусловно важно для личного образования. Университет, справедливо подчеркивал Герцен, «не должен оканчивать научное воспитание; его дело — поставить человека à tête¹ продолжать на своих ногах; его дело — возбудить вопросы, научить спрашивать».

Особенно популярными были лекции Т.Н. Грановского и П.Г. Редкина, собиравшие студентов всех факультетов, включая математический и медицинский. Сила Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855) была, по словам Герцена, «в положительном нравственном влиянии, в безусловном доверии, которое он вселил, в художественности его натуры, покойной ровности его духа, в чистоте его характера». Его лекции, по мнению другого выдающегося современника — П.Я. Чаадаева, «имеют историческое значение». Манера преподавания профессора энциклопедии, законоведения и государственного права Петра Григорьевича Редкина (1809–1891) отличалась юношеским жаром и глубоким убеждением, глубиной эрудиции, безупречной логикой доказательств. Его лекции вызывали усиленную работу мысли слушателей, на них студенты получали философские знания (в то время философия в университетах не преподавалась). Благодаря урокам Редкина Ушинский настолько хорошо разобрался в философских науках и полюбил их, что в дальнейшем во всех своих трудах строго следовал философским основаниям.

Свободное от лекций время Ушинский проводил в серьезном и разнообразном чтении, преданно относился к театру. Под влиянием великолепной игры П.С. Мочалова в Малом театре он даже написал трагедию для бенефиса артиста, который, однако, не признал в ней никаких достоинств, да и сам автор позже говорил о пьесе лишь с насмешкой. Ушинский поражал однокурсников необыкновенными способностями, прекрасной памятью. Слушатели, не понявшие лекции, обращались к нему за помощью и получали верное и доступное объяснение. В быту он был совершенный студент-демократ, деливший с товарищами последний рубль. Вооб-

¹ Дать ему возможность (фр.).

ще Ушинский отличался независимым характером и привычкой каждому высказывать откровенно свои убеждения, не думая о том, какой позиции придерживается собеседник. Он и исторических персонажей оценивал субъективно. Так, Вольтера и Наполеона I он просто ненавидел, хотя это шло вразрез с господствовавшими взглядами.

Уже со студенческих лет Ушинский много работал. Помимо увлечения наукой, добросовестного отношения к занятиям, он постоянно давал уроки, хотя видел, что пока не подготовлен к профессии учителя. «Нужно оставить частные уроки!» — твердил он себе, но тут же с горечью спрашивал: «Но существовать на что?.. Проклятая бедность!».

В 1844 году К.Д. Ушинский блестяще окончил университет вторым кандидатом прав. Работоспособная, целеустремленная, с сильной волей, независимыми суждениями, сформировавшаяся в благоприятных условиях школьных и университетских лет, цельная личность молодого юриста жаждала деятельности на благо Родины. В «Дневниках» — подтверждение этому: «В поте лица, в пыли презрения, под знойными лучами пекущего солнца, рискуя жизнью, бросать семена в землю, зная, что никогда не увидишь жатвы, и все-таки работать до конца жизни...» Ушинский с беспощадной критикой относился к себе, расписывал по минутам свои действия, размышлял о своем долге перед народом, о цели и смысле жизни: «Приготовлять умы! Рассеивать идеи!.. Вот наше назначение... Отбросим эгоизм, будем трудиться для потомства!».

С 1846 года Ушинский — и.о. профессора энциклопедии законоведения, государственного права и науки финансов (общее название — камеральные науки) в Ярославском юридическом лицее. Преподавательская деятельность увлекла молодого профессора, он добросовестно готовился к лекциям и мастерски излагал их. Вскоре он заявил о себе как о даровитом лекторе, владевшем предметом и пользовавшемся большим расположением и уважением студентов. Упрочению популярности Ушинского способствовала его речь «О камеральном образовании», произнесенная на торжественном собрании Лицея 18 сентября 1848 года. В ней — теоретическое основание его будущей педагогической системы. Подвергнув резкой критике немецкое камеральное образование, Ушинский предложил собственный взгляд на эту проблему: в основу подготовки будущих камералистов нужно положить изучение родины в самом широком смысле, а именно: семьи, общества, всей народнохозяйственной деятельности. Обратив внимание на народные юридические понятия, лектор подчеркнул необходимость изучения их в связи со всеми условиями местной жизни. Он одним из первых в русской науке указал на необходимость всестороннего и тщательного изучения природных условий местности, экономических и бытовых особенностей народной жизни.

Шел 1848 год. В Западной Европе прокатилась волна революций. Российское правительство, боясь проникновения в страну свободолюбивой бациллы, решило усилить контроль над учебными заведениями. От преподавателей требовали подробных программ с указанием того, что и когда будет прочитано на лекции. Узнав об этом предписании, Ушинский со свойственной ему горячностью стал доказывать, что живое педагогическое дело невозможно связывать такими формальностями. Преподаватель должен иметь обратную связь со слушателями, чтобы знать, какие темы и понятия вызывают наибольшие затруднения; делить весь свой курс на часы — значит убить живое преподавание; решиться на такое убийство честный преподаватель не может. Доводы молодого профессора не были услышаны лицейским начальством, и он был вынужден оставить должность.

Перебравшись в Петербург, Ушинский с трудом нашел место чиновника Министерства внутренних дел. Служба не давала ему ни материального (в это время он уже был женат на Надежде Семеновне Дорошенко, дочери малороссийского

помещика), но морального удовлетворения. Духовным прибежищем стала литература. В журнале «Современник» он опубликовал статью, в которой разбирал сочинение «Поездка в Индию». Это был перевод с немецкого оригинала, который переводчик выдавал за собственное произведение. Ушинский остроумно разоблачил эту ложь. Другая статья — «Поездка за Волхов» («Современник», 1852, № 4) — была отмечена критикой и высоко оценена И.С. Тургеневым. В художественной форме автор сообщал географические, археологические, исторические, этнографические и даже филологические сведения, осуществляя свою излюбленную идею представлять географию как синтез всех научных данных о стране и ее населении. Это произведение выполняет и образовательную функцию, поскольку реальные или воображаемые путешествия Ушинский считал наиболее эффективной формой накопления знаний.

Однако литературная слава не прельщала Ушинского. Он хотел продолжить прерванную преподавательскую деятельность. Вскоре такой случай представился. В 1855 году Ушинский был назначен учителем словесности и законов, а затем и инспектором Гатчинского сиротского института. С этим учебным заведением связано одно обстоятельство, ставшее для него знаковым. В двух пыльных, давно не отпиравшихся шкафах он обнаружил целую библиотеку педагогической литературы. Позднее он писал: «Этим двум шкафам я обязан в жизни очень, очень многим, и, Боже мой! от скольких бы грубых ошибок был избавлен я, если бы познакомился с этими двумя шкафами прежде, чем вступил на педагогическое поприще! Человек, заведший эту библиотеку, был необыкновенным у нас человеком. Это едва ли не первый из людей, который взглянул серьезно на дело воспитания и увлекся им». Таким человеком был Егор Осипович Гугель, прежде Ушинского работавший инспектором Гатчинского института.

В Гатчинский период Ушинский не только изучил педагогическую литературу от Базедова и Песталотци до Дистервега и Карла Шмидта, но и заявил о себе как о блестящем авторе педагогических сочинений. Именно в это время (1857) под напором общественного интереса к делу воспитания и обучения возникли два педагогических журнала: «Русский педагогический вестник» и «Журнал для воспитания». Вскоре (1858) появился еще один — «Учитель». Обнаружение педагогических книг и появление педагогической периодики определили содержание первой научной статьи Ушинского — «О пользе педагогической литературы» (1857). Следующие две — «О народности в общественном воспитании» (1857) и «Три элемента школы» (1858) сделали имя инспектора Гатчинского института известным всей педагогической России. С этого времени Ушинский стал во главе русского педагогического движения, задал тон и направление педагогической печати и обществу в их стремлении к улучшению, а возможно, и к пересозданию учебно-воспитательного дела в стране. В К.Д. Ушинском удачно соединилась деятельность педагога-практика и педагога-теоретика на строго научных философских началах.

В статье «О народности в общественном воспитании» Ушинский не только проанализировал особенности воспитания немцев, англичан, французов и североамериканцев, но и обосновал идею народности. Педагог рассуждал так: как ни разнообразны человеческие типы у образованных народов, в их характерах природа выделяет общий стержень — народность, которая проявляет себя так ярко, что достаточно небольшого навыка, чтобы угадать по первому взгляду француза, англичанина, русского, итальянца. Национальность напоминает о себе практически во всех наших поступках. Воспитание не может не учитывать силу народности, проявляющуюся в каждом человеке. Поэтому, если воспитание «не хочет быть бессильным, должно быть народным».

Элемент народности, национальности в человеке очень глубок. Люди, поселив-

шился на чужбине, могут даже позабыть имя своей родины, но долго, из поколения в поколение, носят ее характер, пока беспрестанные приливы новой крови не изменят его. «Чувство народности так сильно в каждом, что при общей гибели всего святого и благородного оно гибнет последнее».

Народность является единственным источником исторической жизни государства. Общественное воспитание как один из важнейших процессов общественной жизни, посредством которого новые поколения связываются общей духовной жизнью с предыдущими, не может отказаться от народности. В этом смысле благом является то, что «школьное воспитание далеко не составляет *всего* воспитания народа. Религия, природа, семейство, предания, поэзия, законы, промышленность, литература, — все, из чего слагается историческая жизнь народа, — составляют его действительную школу, перед силой которой сила учебных заведений, особенно построенных на началах искусственных, совершенно ничтожна».

Отечественная педагогическая система должна быть пронизана духом народности, ее создателям необходимо обладать обширными знаниями своего народа, особенностей его природы, традиций, обычаев, языка, литературы, истории, географии. Но знаний этих как раз и не хватает. Ушинский был почти уверен в безрезультатности экзамена на знания о России, если его провести среди администраторов, профессоров, литераторов, всех, окончивших курс в наших университетах, лицеях, гимназиях. Среди прочих черт, которые мы хотели бы перенять у иностранцев, Ушинский рекомендовал «занять вместо всех прочих одну черту из западного образования — черту уважения к своему отечеству; а мы ее-то именно, ее, единственно годную для заимствования во всей полноте, и пропустили. Не мешало бы нам занять ее не затем, чтоб быть иностранцами, а лишь затем, чтоб не быть ими посреди своей родины». В этой же статье «О необходимости сделать русские школы русскими» (газета «Голос», 1867) педагог выяснял причины неустраиваемости нашей жизни. Он, в частности, писал: «Мы положительно убеждены, что плохое состояние наших финансов, частый неуспех наших больших промышленных предприятий, неудачи многих наших административных мер, перевозка тяжестей гужом, рядом с железными дорогами, наши непроходимые проезжие пути, наши лопающиеся акции, пребывание громадных дел в руках безграмотных невежд и пребывание ученых техников без всякого дела, нелепые фантазии нашей молодежи и не менее нелепые страхи, которыми так ловко пользуются люди, ловящие рыбу в мутной воде... что все эти болезни и многие другие сильно поуменились бы, если б в России вообще поднялся уровень знаний о России...».

Фундаментом народности является язык. В статье «Родное слово» К.Д. Ушинский создал гимн родному языку, разработал философскую концепцию взаимосвязи народа и языка: народ — создатель языка, язык — учитель народа, хранитель его истории, быта, традиций. Язык народа — это цвет его духовной жизни. «В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы — весь тот глубокий, полный мысли и чувства, голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в народной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа», — писал Ушинский.

Язык — хранитель истории народа, его быта, традиций, верований, изменений в материальной и духовной сферах жизни. Каждое поколение в сокровищницу родного слова передает плоды своих исторических событий, своих достижений. «Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжив-

шие, живущие и будущие поколения в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезнет народный язык, — народа нет более!» — с грустью отмечал педагог.

Успешная преобразовательная деятельность Ушинского в Гатчинском институте, яркие выступления в педагогической печати способствовали его назначению на должность инспектора классов Воспитательного общества благородных девиц и С.-Петербургского Александровского училища (в совокупности оба учебных заведения более известны под названием Смольного института).

Это элитное учебное заведение, основанное в эпоху Екатерины II (1764), отличалось высокой степенью консерватизма. Видимо, педагогический коллектив по-прежнему верил в реализацию идеи И.И. Бецкого и Екатерины II, заключавшуюся в создании новой породы россиян. Е.Н. Водовозова, воспитанница этого закрытого учебного заведения, вспоминала, что институт был отделен «высокими стенами от всего человеческого, где одно женское поколение за другим, изолированное от всего живого, воспитывалось, как будто нарочно, для того, чтобы не понимать требований действительности и своих обязанностей, и оканчивало курс образования, не приобретая ни самых элементарных знаний, ни мало-мальски правильное воззрений на жизнь людей».

Взгляд К.Д. Ушинского на цели и задачи женского образования основывался на понимании им важной и ответственной роли женщины в семье и обществе. Поэтому он активно взялся за коренное преобразование Смольного института.

Действия педагога были энергичны и смелы и заключались в следующем. Девятилетний срок обучения был сокращен до семилетнего, учебный план и продолжительность пребывания в институте стали одинаковыми для обоих отделений. Само преподавание, прежде формальное, поверхностное, получило серьезный и систематический характер. В основу обучения был положен родной язык, но не в форме отупляющего грамматизма, а как живой предмет, способствовавший развитию личности учащихся. Принцип наглядности стал ведущим на уроках в младших классах. Оживлено преподавание русской и всеобщей истории. Значительное развитие получили курсы естествознания и географии. На уроках математики, считавшейся недоступной для женского ума, ученицы развивали и укрепляли логическое мышление. Риторика и пиитика были заменены классными разборами художественных произведений. В старших классах особое значение придавалось истории русской литературы. Более того, был введен педагогический класс, позволявший знакомиться с педагогикой и дидактикой не только в теории, но и на практике. Педагогический класс был двухлетним: первый год — теоретический, второй — практический: ученицы давали уроки в младшем классе. Существенному пересмотру подверглись учебные планы и предметные программы.

Реформы института были завершены в трехлетний срок. Инициатором, душой этой работы был, разумеется, Ушинский, но с ним сотрудничали единомышленники, приглашенные им в Смольный институт: Л.Н. Модзалевский, В.И. Водовозов, Д.Д. Семенов, М.И. Семевский и другие.

Многие педагогические вопросы вызвали дискуссию. Обсуждение переносилось из стен института в маленький флигелек Смольного монастыря — квартиру Ушинского. Здесь по четвергам собиралась петербургская педагогическая семья, которая среди многочисленных проблем воспитания и образования обсуждала «Детский мир», учебную книгу Ушинского, предназначенную для учащихся 3–4 годов обучения и содержащую в основном первоначальные сведения по естествознанию и географии.

Реформированный Смольный институт привлек внимание всего интеллигентного Петербурга. Периодическая печать, представители разных учреждений и ве-

домств, родители и родственники учениц, люди педагогической профессии стремились в институт, чтобы побывать на уроках, о которых говорил весь город.

Смолянки не тяготились учением, не называли его «противным», буквально на глазах они из светских кукол, кисейных барышень превращались в разумных, развитых девушек со здоровыми взглядами. Между учителями и ученицами установились отношения, основанные на взаимном уважении.

Имя Ушинского приобретало всероссийскую известность. Этому способствовало преподавание им педагогики и дидактики в обоих отделениях Смольного института. Он стремился разъяснить ученицам великое назначение женщины не только как будущей матери, жены, но и как активного члена общества. «Вы объяснены, — говорил он, — проникнуться стремлением к завоеванию права на высшее образование, сделать его целью своей жизни, вдохнуть это стремление в сердца ваших сестер и добиваться достижения этой цели до тех пор, пока двери университетов, академий и высших школ не распахнутся перед вами так же гостеприимно, как и перед мужчинами» (из воспоминаний Е.Н. Водовозовой).

Успешная преобразовательная деятельность в Смольном институте шла благодаря самоотверженному труду Ушинского. Ему приходилось идти напролом, каждый шаг брать с боя. Сопrotивление реформам было очень сильным как со стороны начальства, так и со стороны подчиненных. Возможно, более уступчивый человек, обладающий дипломатическим тактом, «которым Ушинский вовсе не отличался, по всей вероятности, с большею легкостью успел бы провести эти преобразования; но Ушинскому они стоили неимоверных трудов и усилий. Он шел прямым путем, не зная окольных дорог, добивался осуществления своих идей настойчиво, со свойственной ему энергией и резкостью, не шадя чужого самолюбия и не отступая ни на шаг от своих убеждений», — вспоминал однокурсник Ушинского Ю.С. Рехневский.

Почти одновременно с появлением Ушинского в Смольном институте начались беспрерывные доносы на него, которые набирали обороты по мере успешной реформаторской деятельности великого педагога. Этого бескорыстного, честного человека, христианина, патриота в самом высоком смысле слова, противники реформ обвиняли во всевозможных неблагоприятных поступках. Гнусная клевета вынудила педагога в течение нескольких суток, почти не вставая с места, писать обширное объяснение. Однако враги все же сделали свое подлое дело: садясь писать бодрым и здоровым, он встал из-за стола посевшим и начал харкать кровью.

Тем не менее, реформы Ушинского были не только сохранены в Смольном институте, но и получили распространение в других женских институтах империи. Уже после его ухода (12 апреля 1862) было разрешено воспитанницам проводить каникулы и большие праздники дома. Это уничтожило вредную институтскую замкнутость, порождавшую неправильные представления о реальной жизни.

Натуре Ушинского было свойственно вносить жизнь везде, где он трудился. С середины 1860 года педагог был назначен редактором «Журнала министерства народного просвещения». Прежде сухое, официальное издание превратилось в главную педагогическую трибуну, способствовавшую формированию общественного мнения в области воспитания и образования. Особенно выделялись в журнале статьи самого Ушинского. Его блестящий философско-педагогический трактат «Труд в его психическом и воспитательном значении», ставший классикой русской педагогической мысли, звучит сегодня так же актуально, как и в год написания. К.Д. Ушинский, как педагог и воспитатель юношества, понимал, что нетрудовая, бездеятельная жизнь ненормальна, нездорова, ведет к разрушению личности, ускоряет приближение вечного сна — смерти. Поэтому, если бы мечта людей о сказочном мешке, из которого высквакивает все, чего душа пожелает, осуществилась,

«то само развитие человечества остановилось бы: разврат и дикость завладели бы обществом».

Трудясь, человек обретает счастье. Не материальные блага делают человека счастливым, «но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности и счастья. Это животворное влияние имеет только личный труд на того, кто трудится. Материальные плоды трудов можно отнять, наследовать, купить, но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наследовать, ни купить за все золото Калифорнии: она остается у того, кто трудится».

Статья «О нравственном элементе в воспитании» посвящена не менее важному вопросу: «Почему у нас людей нет?» По мнению Ушинского, это происходит потому, что «одного ума и одних познаний еще недостаточно для укрепления в нас того нравственного чувства, того общественного цемента, который... связывает людей в честное, дружное общество». «Влияние нравственное составляет главную задачу воспитания, гораздо более важную, чем развитие ума вообще, наполнение головы познаниями и разъяснение каждому его личных интересов». Кроме того, Ушинский в русле своей теории о народности в общественном воспитании справедливо рекомендовал: «...мы должны познакомиться с настоящим воспитанием в русском народе прежде, чем захотим внести туда наши теории и улучшения». В статье «Проект учительской семинарии» автор впервые познакомил русское общество с задачами, назначением и организацией этих учебных заведений.

В должности редактора Ушинский состоял лишь до ноября 1861 года: новый министр народного просвещения граф Путятин задумал сделать из журнала ученый сборник. Педагог посчитал себя неспособным быть редактором подобной энциклопедии. Однако сотрудничество с изданием не прекратил, представив вскоре статью «Педагогические сочинения Н.И. Пирогова» (1862). Высоко ценя личность автора («Народ, из среды которого выходят такие личности, какова личность Н.И. Пирогова, может с уверенностью глядеть на свою будущность»), сочувствуя его гуманным взглядам на воспитание, Ушинский, однако, не согласился с ним в том, что классические языки должны быть основой общего образования. Он был глубоко убежден в том, что только родной язык является лучшим средством духовного развития учащегося, воспитателем его личности.

После освобождения Ушинского от должности инспектора классов Смольного института ему была предложена заграничная командировка. В течение пяти лет (1862–1867) педагог жил преимущественно в Швейцарии, где изучал устройство народных школ, учительских семинарий и женских учебных заведений. Свои впечатления он описал в «Письмах из Швейцарии» — семи больших статьях под общим заглавием «Педагогическая поездка по Швейцарии». Каждое письмо — не только подробный рассказ об увиденном, но и беспокойные думы автора о родном школьном деле. В «Письме седьмом» Ушинский, характеризуя учительские семинарии, увиденные им в разных кантонах Швейцарии, в частности, писал: «Возвращаясь в Цюрих по берегу прекрасного озера, я невольно соединил в своем воспоминании все четыре семинарии, которые видел, и не знал решительно, которой из них отдать пальму первенства; всякая из них имела свои хорошие и свои слабые стороны. Но как они различны, как в каждой из них отразился свой особый характер: семинария Фрелиха дышит поэзией; семинария Рюга — строгой логикой и методой; семинария Кеттигера — здоровьем сельской семейной жизни; семинария Фриса — наукой, современностью, ясным, спокойным рассудком и утилитаризмом... Можно поистине удивляться, как все эти три кантона: бернский, арговийский и цюрихский, выработали себе свои особенные, проникнутые кантональным характером, семинарии и как они отыскивали, каждый для своей семинарии, такого директора, который типически выражает в себе харак-

тер кантона и развивает его в своих воспитанниках... Боже мой! — думал я про себя, вспомнив многие наши полуиностранные учебные заведения: когда же мы увидим такие же характерные русские воспитательные заведения: и во главе их — такие же типические, русские личности в высокоразвитой, облагороженной форме, когда подобные личности будут развивать в воспитателях благороднейшие черты исконно русского характера, а воспитатели будут вызывать этот характер в молодых поколениях русского народа!».

В Швейцарии плодотворно шла работа над книгой для первоначального обучения — «Родное слово». «Написать первую книгу после азбуки, — справедливо считал педагог, — едва ли не самая трудная задача во всей дидактике». Насколько хорошо с ней справился Ушинский, можно судить по тому факту, что по «Родному слову» училась грамоте и родному языку вся Россия в течение полувека. До 1917 года книга переиздавалась более 150 раз. Да и сегодняшним детям ее тексты (русских классиков, обработанные народные, составленные Ушинским и педагогами-единомышленниками, в частности Модзалевским) близки, интересны, полезны. Воспитательный потенциал учебной книги огромен. Вот два маленьких авторских текста, но какие глубокие мысли заключены в них, как реализуют они задачи нравственного воспитания!

ЛЕНИВЫЙ И ПРИЛЕЖНЫЙ

«Завтра поучусь, а сегодня погуляю», — говорит ленивый. «Завтра погуляю, а сегодня поучусь», — говорит прилежный.

С КЕМ ПОВЕДЕШЬСЯ, ОТ ТОГО НАБЕРЕШЬСЯ

Простой цветочек дикий / попал в один букет с гвоздикой. / И что же? От нее душистым стал и сам. / Хорошее знакомство — и прибыль нам.

«Родное слово» рассчитано на три года обучения: в первый год изучается «Азбука» и «Первая после азбуки книга для чтения». Второй год (вторая книга «Родного слова») — книга для чтения, знакомящая детей с домашним и школьным бытом, предметами окружающей природы, временами года и прочим. В третьей книге «Родного слова» содержатся сведения по грамматике русского языка. Ушинский планировал посвятить отдельные книги географии, истории, арифметике. К сожалению, осуществлению этих планов помешала смерть. Но даже выпущенные части «Родного слова» в совокупности с «Руководством к преподаванию» позволяют утверждать, что Ушинский создал разумную русскую начальную школу, воспитывающую, развивающую личность учащегося, мотивирующую его к самообразованию, самоусовершенствованию.

За границей Ушинский работал и над другой нужной педагогам книгой — «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии». Труд этот был задуман ученым давно. Первые опыты общедоступного изложения антропологии в применении к педагогике опубликованы им еще в 1860 году в статье «Психологические монографии. Внимание». Готовясь писать руководство для воспитателей, Ушинский был совершенно не согласен с иностранными, в частности, немецкими учебниками по педагогике. Он отрицал рецептурные начала воспитания. Никто не может сделаться хорошим врачом, изучив только самые лучшие и полные лечебники, выучив наизусть множество рецептов и предписаний, не зная при этом анатомии, физиологии, физики, химии. Точно так же изучение самых лучших руководств по педагогике не будет способствовать появлению хороших педагогов. Настоящими педагогами, по мнению ученого, могут быть только антропологи, т. е. люди, изучившие науки, предметом которых является человек. Педагогика, писал Ушинский в «Предисловии» к монографии «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», как наука о воспитании и

обучения человека немислима без учета достижений всех антропологических наук, к обширному кругу которых принадлежат: «анатомия, физиология и патология человека, психология, логика, филология, география, изучающая землю как жилище человека и человека как жильца земного шара, статистика, политическая экономия и история в обширном смысле, куда мы относим историю религии, цивилизации, философских систем, литератур, искусств и собственно воспитания в тесном смысле этого слова. Во всех этих науках излагаются, сличаются и группируются факты и те соотношения фактов, в которых обнаруживаются свойства предмета воспитания, т. е. человека».

Это утверждение К. Д. Ушинского многие его современники рассматривали как неосторожное заявление ученого. Трудно было осознать, что эффективность педагогических знаний, прогресс педагогики зависит от развития наук о человеке. В своей монографии Ушинский попытался выявить и систематизировать эту закономерность. Лишь в настоящее время, когда проблема человека приобрела особую актуальность и стала одной из ведущих тем философии, социологии, филологии, этики, эстетики, общественной мысли в целом, стала ясна грандиозность и значимость сделанного Ушинским — создание новой области познания — педагогической антропологии.

К. Д. Ушинский, подчеркивая необходимость изучения педагогом антропологических наук, заявлял: «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях».

Учитывая скудость познаний о физической и духовной природе человека, а особенно филологических сведений в русском научном мире, Ушинский поставил цель — написать общедоступную специальную антропологическую книгу, которая содержала бы систематическое собрание всех необходимых сведений о природе человека вообще. Вышедшие при жизни автора два тома этого научного труда (1867; 1869) можно назвать популярной антропологической энциклопедией; в третьем же томе Ушинский предполагал дать практическую часть воспитания человека: воспитание должно образовать, развить всего человека, а потом уже из него, как из личности нравственной, развитой, непременно выработается специалист — учитель, офицер, инженер. К сожалению, работа над третьим томом не была закончена.

Вернувшись в Россию, К. Д. Ушинский спешил поделиться мыслями о применении на родине всех тех новых педагогических начал, которые выработал за границей путем продолжительного наблюдения, большой научной подготовки и размышления. С этой целью он стал посещать петербургское Педагогическое общество, став вскоре его душой и вдохновителем. Наступил самый бурный, активный, плодотворный период в его жизни, когда педагогический авторитет Ушинского достиг высочайшей силы. Материальное положение ученого в это время также было прекрасным благодаря спросу на его печатные труды. Ни от кого не зависимый, самостоятельный в выборе занятий, имевший прекрасную семью, Ушинский мог назвать себя счастливым, но для этого ему не доставало главного — здоровья.

21 декабря 1870 года К. Д. Ушинский умер в Одессе, оказавшись там проездом по пути в Крым, куда он ехал на лечение. Преждевременно закончилась жизнь выдающегося педагога, много сделавшего для становления русской педагогической мысли, русской школы, образования русских женщин и для всех российских детей разных сословий и классов.

К. Д. Ушинский в свое время искал «человека, на которого с гордостью можно бы указать нашим детям и внукам, и по безупречной дороге которого можно бы вести смело наши поколения». Сам Ушинский явился одним из таких людей. Его честная, высоконравственная, деятельная жизнь преследовала одну цель — принести пользу Родине.

Пользуясь словами Ушинского, скажем: «Пусть наша молодежь смотрит на этот образ, и будущность нашего отечества будет обеспечена».

Однако, как это ни покажется парадоксальным, имя К.Д. Ушинского было вычеркнуто из российской истории культуры идеологическим пером. Интернационализм и классовая борьба как движущие силы истории первых десятилетий советской власти привели, по мнению П.Б. Струве, к отцеубийственному разрыву «с великим национальным прошлым».

Главной задачей школьного воспитания после Октябрьской революции стало нарочито интернациональное, а не патриотическое. А.В. Луначарский, первый нарком просвещения РСФСР, полагал, что надо воспитывать людей, «абсолютно одинаково любящих каждую сажень нашего земного шара», не отдавая предпочтения родной земле. К.Д. Ушинский, отстаивавший идею народности, был чужд советской идеологии.

О великом педагоге вспомнили лишь в начале 1937 года, когда международная обстановка, резко обострившаяся уже к началу 30-х годов XX века, заставила И.В. Сталина и его окружение срочно менять воспитательные векторы. Руководители ВКП(б) и Советского государства «вспомнили», что К.Д. Ушинский неоднократно писал о нравственном воспитании, о любви к родине как неотъемлемой черте русского народа. Именно перу великого педагога принадлежит знакомый всем с детства текст: «Наше отечество, наша родина — матушка Россия. Отечеством мы зовем Россию потому, что в ней жили испокон веку отцы и деды наши. Родиной мы зовем ее потому, что мы в ней родились, в ней говорят родным нам языком и все в ней для нас родное, а матерью — потому, что она вскормила нас своим хлебом, вспоила своими водами, выучила языку, как мать, защищает и бережет нас... Одна у человека родная мать, одна у него и Родина». Ушинского несколько не смущало то, что наш патриотизм часто называют квасным. Он не находил в этом ничего плохого, а только возможность провести параллели с другими народами: «Не забудем, однако ж, что если от нашего патриотизма пахнет иногда русским кваском, то и английский также не лишен запаха ростбифа, пудинга, джина, а немецкий сильно отдает пивом и табаком. У всякого народа есть свои патриотические предруждения».

Подготовка к войне немыслима без патриотического воспитания, поэтому вскоре была дана установка к переосмыслению и серьезному научному изучению трудов К.Д. Ушинского «с марксистской точки зрения»: газета «Правда», орган ВКП(б), опубликовала статью Д. Мурманова «Великий русский педагог и его судьба» (1937. 10 апреля). Имя К.Д. Ушинского и его богатое актуальное наследие заняло достойное место в интеллектуальной истории России.

